

LIMITED TO 3,000 COPIES WORLDWIDE

BLACK LIBRARY
GAMES DAY ANTHOLOGY
2012/13

Перигелий»

Одна из историй о противостоянии
Рэйвенора и Эйзенхорна

...

Через час работы симпозиума стало ясно,
что мы не все уйдём отсюда живыми.

Я пришел как наблюдатель. Как зритель.
Прикрываясь документами на имя
археолингвиста из Шурфата, местного
университариата, и замаскировав лицо и
фигуру

измененной внешностью и одеждой
школяра, я сидел на галёрке в окружении
академиков
и ученых.

Я солгал. Я пришел не наблюдать. Я
пришел, чтобы увидеть его. С тех пор, как
я видел

его в последний раз, прошло много
времени. Пятьдесят лет? Столетие? Я не
считал.

Бейгер Векүм умер. С этого всё и
началось. Бейгер Векүм, самый младший
из

одинадцати сыновей, последний видный
отпрыск благородного сестейства, что
правило

островом Малифэйс в течение тридцати
поколений, умер. Я уверен, вы знаете этот
остров. В холодных, зеленых океанах на
севере Гудруна, субсектор Геликан; место
умеренного лета и теплых зим,
покрытых снегом гор и геотермальной
энергии, древних

городов, выдолбленных в крутых склонах
потухших вулканов. С северной
оконечности

острова в ясную погоду можно увидеть
иззубренные черные стены
континентального

шельфа, растянувшиеся на три тысячи
километров вдоль неприступного северного
моря.

Дом Векун имел место в Верхнем
законодательном собрании Гудруна, но
никогда не

входил в число самых влиятельных
благородных сестейств планеты. Многие

столетия

Малифэйс держался благодаря экспорту консервированной рыбы, руды, добываемой с морского шельфа, геотермальной энергии, но всегда поддерживал свою репутацию как центра образования и науки. В его городах, расположенных на крутых склонах, процветал

университариат Шүрфат, две академии рубрики, шесть музеев, четыре огромнейших

библиотеки - и всё благодаря ученому энтузиазму дворян дома Векүт, любителей всего

филологического.

Теперь последний из них умер своей смертью от старости, и управление Малифэйсом

перешло в руки дальних родственников Векүтов -- дому Күрел с материка. Известнейшая

личная библиотека Векүтов должна быть вскрыта и рассеяна по остальным библиотекам

Шурфата и некоторым схолом на
материке.

Уже давно ходили разговоры, что в
библиотеке Векүтов хранятся вещи с
удивительными

и мистическими свойствами и, как часто
бывает с коллекциями, долгое время

находящимися в частных руках.
Инквизиция прислала агента,
наблюдающего за тем, куда

уходят те или иные вещи. Осторожность
никогда не помешает. Даже если у
владельца

нет злых намерений, тысячелетние
коллекции могут пагубно воздействовать,
даже просто

стоя на своих полках. Я лично видел
трагедии, которые происходят из-за
невольного

владения подобным богохульством.

Я видел, как сухая страница манускрипта
убивает целый мир.

Мы собрались в пустом доме, высоко на
крутых склонах островных пиков. Был

конец

осени, первый лег уже сковал гавань, и первые темные океанские бури собирались на

западе. В небе за высокими окнами перелетные птицы собирались в стаи и готовились к

миграции на юг. Слуги сновали по продуваемым сквозняком комнатам, ласковое тепло

исходило из ржавой системы обогрева, которую разрешил поставить Бейгер Векунт, когда

у него начались проблемы со здоровьем.

Возглавлял симпозиум инквизитор Кирияк. Вместе со своим дознавателем, Воритом, и

тремя учеными он провел два месяца, просеивая коллекцию. Сейчас он излагал свои

выводы группе своих коллег из Оргоса и приглашенным академиком для последующего

обсуждения. Восемнадцать томов уже

были изолированы без лишних совещаний.

Инквизиция не привлекает специалистов
и некоторым вещам. Но всё ещё оставался
сто

пятьдесят один предмет, судьба которого
могла бы скорее решиться в ходе
тщательного

научного исследования, а не жестким
запретом. Ректор Шүрфата Манивар
лично настоял

на этой возможности.

- Репутация Шүрфата, - говорил он,
поднимаясь с места и начиная симпозиум, -
которая,

остелюсь предположить, простирается за
пределы Гүдүна и субсектора в
ближайшие

местности нашего сектора, очень сильно
зависит от качества нашей коллекции. У
её

основу собрал великий гом Векүм, чья
широкая и поразительная
любопытность

позволила собрать обширный и редкий

архив книг разных эпох. И хотя мы понимаем, что

необходимо изолировать некоторые книги, время от времени, ради общественного спокойствия, мы всё же призываем distinguished Оргос не изымать весь список. Из-за

одного или двух неразумных экземпляров не может быть загрязнено все. Пожалуйста,

если это возможно, позвольте нам передать как можно больше в научные архивы

Шурфата и его институтов как здесь, так и за границей.

Я был полностью согласен с желаниями ректора. Я рассматривал сомнительные экземпляры, и в них не было ничего, что не пропустила бы цензура. Лишение учеников

доступа к подобным вещам существенно притупило бы общественные знания.

Но, как вы заметили, я сказал «что», не так ли?

Мне также нравился Шүрфат. В этом холодном, жестком климате было что-то, что

настраивало на ученый лад. В какое-то время многие ученые члены Оргоса нашего сектора здесь учились: я сам потратил девять месяцев, роаясь в местных

книгохранилищах. Это было много, много лет назад, когда я пытался провести кое-какое

незаметное расследование по вопросу, который занимал моего коллегу во время визита в

Эльвара Кардинал. Несмотря на то, что тогда ответы ускользнули от меня (да и человек

был давно мертв), я приехал оценить атмосферу Шүрфата и поучиться.

Инквизитор Кирияк был склонен думать так же, как и ректор, но он был молод, и это было

одно из его первых официальных дел. Он знал, что за ним наблюдают старшие. Он не

мог позволить себе казаться
снисходительным. Он не мог позволить
себе произвести

впечатление радикала.

Это могучее слово: РАДИКАЛ.

И вот первый том вынесен на
рассмотрение и обсуждение, лишь первый
из ста

пятидесяти одного. Процесс обещает
затянуться. Кирияк предпочел для этого
маленькую

аудиторию на верхних уровнях отвесного
сборца - трачный, отделанный
деревянными

панелями зал, полностью выкрашенный в
коричневый цвет. Когда-то его
использовали

студенты-медики для уроков анатомии, и
тут был ряды сидений вокруг центра.
Сидения

располагались на галерках, как ложи в
маленьком театре, которые были столь
же

отвесны, как и скала, на которой они были

построены. Опершись на деревянные

перила,

мы смотрели вниз, на освещенную газом
арену, где ученые под началом Кирияка
руками,

облаченными в белые перчатки, клали
первую сомнительную книгу на
пьезозаряженную

нейтрализующую ткань. Дознаватель
Ворит выставил отражающую защиту
вокруг

изогнутой деревянной сцены. Охранники
тоже были там: инквизиторские слуги в
строгих

одеждах Оргоса, и стражники дома
Векун, носящие свое оружие больше для
показухи.

Кирияк начал осмотр. Книга была копией
копии «Чтений Анакия», одна из тех, в
которых

уже давно была удалена печально
известная «поэзия». Эта без сомнения
безопасна, как

разряженное оружие. Однако картинки в

ней были очаровательны, необычны и
имели

право быть предоставлены вниманию
студентов с кафедры искусства. И когда
Кирияк

выдал свое резюме, ректор встал и сказал
именно это.

Старшие чины Оргоса казались
безразличными. Старик Карнот Веш был,
и я хорошо это

знал, крайне моногамичен, резок и
бескомпромиссен. Эдриан Корвел было
трудно

читать. Элегантная исполнительная
женщина, она имела своего собственного
псибер-

дрона, который парил над листами книги
и, когда ученый переворачивал очередную

страницу, передавал увеличенное
изображение на её оптические
имплантаты. Зул Тагуч

выглядел скучным. Я два раза отчетливо
слышал, как он спрашивал у помощника о
том,

что за ужин приготовили на кухне.

И, конечно же, там был еще и он. Безликий, безжалостный, и столь же непроницаемый,

как и прямолинейный. И это не слабость — признаться в том, что я ощутил определенный

внутренний отклик, когда он шевельнулся в тени, за пределами сцены. Прошло много времени с тех пор, как мы были так же близко друг от друга.

Его карьеру погубило дело Слайта. Его карьеру, и горы Келл в провинции Сарра. Гудрун,

и Юстис Майорис тоже имели шрамы после его работы.

Я очень хорошо знал, что эти небольшие шрамы были предпочтительней тех ран, что

остались бы при летальном исходе, не вмешайся в происходящее он сам, но Верховный

инквизитор Доркен всё-таки был обязан его осудить. На службе Трону и Святотму

Оргосу

он был вынужден работать в статусе
отступника. Он спас, по самой скромной
оценке,

триллионы жизней. Но даже при этом,
последствием его действий были
ужаснейшие

беспорядки. Чтобы продолжать служение
Оргосу Теликана, он согласился на
временное

отстранение от оперативной работы и
выполнял роль консультанта при штаб-
квартирах

Инквизиции.

Ненужный. Столь великий талант никому
не нужен. По крайней мере, я слышал, что
он

опять начал писать.

Наконец «Чтения» полностью прошли
проверку. Он за это проголосовал, хотя его
согласие было единственным, что он
произнес. Я был рад видеть, что, несмотря
на все

обвинения в радикализме, на то, что он

был подозреваемым отступником, он не
опустил

руки. Он знал, что всё было в порядке и
было бы непростительно глупо, если эта
книжка с

картинками не попала бы в пристойную
библиотеку.

Кирияк принес и представил вторую
работу. Это была «испорченная» копия
«Девятки»,

выпущенная примерно в 1939, в которой
старые оттиски случайно создали

квазибогохульное изображение
Императора.

Я искренне полагал, что мы всеми
способами доберемся до номера
шестнадцать --

молитвенника Технотической секты,
который был истинным еретическим
произведением

-- чем найдем что-то реально
инакомысленное или спорное. По всей
видимости, это

займет весь первый день. В один из

натеченных перерывов или, возможно, после

вечернего собрания, я собирался найти время и поговорить с ним.

Но всё пошло не так.

Пока ученый переворачивал страницы «Девятки» белоснежными перчатками, один из

стоящих в задней части зала стражников Дома Векум -- высокий парень с печальным выражением лица -- начал тревожно перетинаться. Он носил глинное зеленое пальто с

множеством золотых шнурков и белый пояс, его высокий серебряный шлем был украшен

перьями океанской серокрылки. В руках он держал церемониальную секиру.

Я уже во второй раз заметил, что он дергается, но подумал, что он страдает несварением

желудка или чем-то подобным. А потом он поднял секиру и, с немого озадаченным нахмуренным взглядом, с размаху погрузил

её в ближайшего охранника Ордоса.

Кровь хлестала ошеломляюще. Была повреждена аорта, и кровавый фонтан залил спины

тех, кто находился на центральной сцене.

Меня не волновал возникший беспорядок, возникшие волнения, крики, беготня и

вытащенное оружие. Несчастный охранник Векүтов, удивленный внезапным убийством,

удивился еще раз, когда убили его самого.

Другой служащий инквизиции в шоке разрядил

в него весь магазин в упор, и, падая навзничь, тот выпустил из рук секиру, которая, все

еще грожала в ране под напором хлещущей крови.

Меня волновало то, что я ощутил за миг до убийства. Крошечный импульс пси силы.

Охранник гота Векүт был марионеткой. Чей-то разум контролировал его. Овладел его

телом и совершил убийство прежде, чем

он смог оказать сопротивление.

Это была сила. Хуже того, она была очень точной.

Более страшным, чем обычный псайкер, был псайкер, прошедший обучение в Схола Нсайкана.

Я это знал. Я сам был таким.

И тут убивший убийцу, всё еще стоящий с оружием над его телом, сам стал следующей

жертвой невидимой силы. Его затрясло. Затем он развернулся и принялся стрелять,

наугад, по галеркам и по сцене. Один ученый упал, а Кирияк получил пулю в бедро.

Охранники -- как Оргоса, так и гома -- бросились помогать пострадавшим и скручивать стреляющего.

Карнот Веш был псайкером. Вскочив с кресла в забрызганном кровью мундире, он проорал приказ сүтасшедшему стрелку, который был из его свиты. Его

сковывающая

воля заставила меня вздрогнуть. Веш был силен, но неуклюж. У него не было того изящества, какое было у того, кто вызвал этот переполох.

Охранник прекратил стрельбу, подавленный волей Веша. Он затер, глядя на оружие в своей руке так, словно оно было самой большой загадкой в его жизни.

Всех охватило стяжение. Охранник с пистолетом, остановленный воплем Веша, уже не

представлял проблемы. Мятельный разум метался, перепрыгивая с одного человека на

другого.

Следующим стал еще один из гота Векун, капитан, стоящий на коленях возле первого

пострадавшего, и пытающийся облегчить его смерть. Он угрожал и выхватил секиру из

тела жертвы. Он поднялся, разбрызгивая

вокруг себя кровь с лезвия, и швырнул его в
Веша с силой, которая могла сбить с ног
и взрослого кабана.

Капитан точно убил бы инквизитора,
если бы не две причины. Веш снова
использовал

свою волю, лихорадочно выкрикнув
запрещающую команду. Разум, овладевший
капитаном, был очень силен, но воля Веша
заставила его зануться, и его сапоги,
украшенные бархатными лентами и
парчой, заскользили в кровавой луже.

Вместо того чтобы пронзить грудь
Карнота Веша, шип секиры пробил его
левое бедро и

пригвоздил к деревянной раме ложи.

Его крик был столь же мощным, как и
поток крови, хлынувший из раны. Стоящие
вокруг

него охранники обеих организаций
открыли огонь и уложили храброго
капитана.

Они просто идиоты. Разум тут же
переместился.

Галерки опустели. Сильно перепуганные свидетели произошедшего сбежали в относительно безопасные помещения, расположенные рядом с аудиторией.

Я понял, что самое время исчезнуть. Кровавая бойня, развернувшаяся на небольшом

пятачке, которая превращалась в некое подобие ужасной пантомимы, была всего лишь

устроенным шоу. На сцене находилось большинство самых сильных и умелых людей,

присутствовавших на симпозиуме, и целью спланированной атаки было отвлечь и

занять их, и, воспользовавшись созданным беспорядком, сосредоточиться на зрителях.

Так или иначе, но все эти смерти были не важны. Если целью был кто-то из высокопоставленных чинов Оргоса, то зачем же начинать с охранников?

Я был уверен, что охотятся за мной.

По всей видимости, кто-то узнал о моем присутствии. Я редко посещал общественные

места, и кто-то узнал о сегодняшнем исключительном случае.

Где же я прокололся? Чем раскрыл себя?

Многие годы я жил под чужими личинами и

заметал следы. Где я ошибся? Какую частичку своей жизни я оставил неприкрытой?

Может, мне просто суждено с ним тут встретиться? Может мне суждено тут погибнуть?

Кто же был виноват? Кто пришел за мной?

Простите за мои рассуждения, но за долгое время у меня накопилось множество смертных врагов.

И наверняка, такое же количество со стороны Архиврага.

Я покинул галерку по темным деревянным ступенькам маленькой лестницы с крутыми

пролетати. Пришлось проталкиваться
сквозь толпу спешащих к выходу зрителей.
Некоторые из тех, кого я отталкивал,
начинали в ужасе кричать гудая, что это
смерть
пришла за ними.

Я был вооружен силовым ножом,
покоящемся в пружинных ножнах на левом
предплечье
и пистолетом «Тронсвассе», находившемся
в плоской кобуре под пальто. Но самое
опасное оружие было у меня в голове.

Я попал в низкий коридорчик под
лекционным залом. Пол здесь был отделан
черным
блестящим паркетом и застелен
старыми коврами. Стены из лакированных
панелей.

Тусклые мрачные лица смотрели со
старых масляных картин в старинных
рамах. Коридор
был заполнен сбежавшими из аудитории
испуганными учеными и учениками.
Увидев

меня и появляясь мои намерения, они
бросились бежать.

Моя маскировка -- особенно поразительная
древняя технология изменения внешности --

была достаточно хороша при обычных
обстоятельствах. Сидя, стоя, или при
ходьбе я

был всего лишь одним из многих без всяких
последствий. Но сейчас я бежал, и любое

количество нарядов и визуальных обманов
не смогли бы скрыть мою грузность и

механоподобную походку при
стремительных движениях. Академиком я
явно не

выглядел. Я все еще был высоким
широкоплечим мужчиной, и все
повреждения,

полученные моим телом, были затенены
аугметикой. При беге моя искусственная
нога

становилась слишком заметной, и каждый
мог безошибочно определить по моему
манере

поведения, что я прошел армейскую подготовку.

Тонкие крики Веша все ещё раздавались из аудитории за моей спиной. Я полагаю, что

они уже предприняли попытки освободить его прищипленный к панелям таз.

Я почувствовал, как чужой разум рыскает вокруг, преследует, пытаюсь закрепиться на

моей психической ауре. Я выхватил из кобуры пистолет.

И вовремя.

Раздавшиеся выстрелы заставили меня броситься на пол, совершив жесткий кувырок.

Словно закленки из пневмопистолета, пули вбивались в деревянные панели, выбивая

толстые щепки. Вокруг падали школяры, зажатые между мной и стрелками.

Еще выстрелы. Двух школяров передо мной просто изрешетило, и они рухнули на пол.

Все еще перемещаясь, я поднял

«Тронсвассе».

Один стрелок высовывался из-за золотых
шлема и панциря, стоящих на пьедестале.

Я

выстрелил, промахнулся, но зато
заставил его скрыться за доспехами.

Второй, засевший в густом конце
коридора, был вооружен крупнокалиберным
пистолетом. Я дождался вспышки,
вырвавшуюся из дула его оружия и, как
только пуля

пролетела мимо меня, выстрелил в
ответ.

Я думаю, что попал ему в руку или
предплечье. Раздался визг.

Воспользовавшись волей, я воззвал:

- Покажитесь!

Не смотря на то, что они оба находились
под влиянием чуждого разума, мой
жесткий

приказ заставил их на миг нерешительно
выглянуть из-за укрытий.

Оба были охранниками Оргоса,
чернокительниками из свиты Гагуча. Они

были ни в чем

не виноваты, но, хочется или нет, через
миз они снова будут под чужим
контролем. Я не

мог позволить себе такую роскошь, как
милосердие. Я вновь открыл на бегу огонь.
Два

выстрела, один налево, другой направо.
Каждая пуля аккуратно вошла с середины
лба

охранников и вышла из затылка.

Я добежал до конца коридора. Оставив с
правой стороны открытую дверь в уборную,
я

выскочил на лестничную площадку.
Школяры всё еще бежали. Я слышал с
лестницы их

вопли ужаса и паники. С аудитории всё
еще доносились завывания -- Веш вопил от
боли,

которая вполне могла сделать его
инвалидом на всю оставшуюся жизнь.

- Кто ты? -- спросил я, перезаряжая
пистолет. -- Кто ты? Где ты?

+ Кто ты? + ответил голос в моей голове.
Холодный, скрипучий. Если бы его
обладатель

говорил, то резал бы ит, как лезвием.

Я медленно повернулся, следя за дверями и
выходами.

- Кто ты? -- переспросил я, вкладывая волю
в свои слова.

+ Кто ты? Я не ожидал тебя. О тебе не
предупреждали. Кто ты? Назови свое имя.
+

Сила воли в этом послании была
настолько велика, что я чуть не назвал
свое имя, но

вовремя отразил её. Итак, не я был целью
всего этого. А был я всего лишь нежданным
фактором. Темной лошадкой в игре.

+ Я узнал тебя. Я смог почувствовать
твой разум. Отступник. Знаменитый
изгой. Прошло

много лет с тех пор, как твоя инсигния
имела власть. +

Разум был силен. Я давил на него
решиительно, всё усиливая напор. Знал, что

псайкер

сильнее меня, но ведь иногда сила не главное. Я надеялся обойти его с флангов своими

умениями и практическими навыками, обратить его силы против него же. Разум казался

молодым и недостаточно опытным, чтобы знать всевозможные уловки, которые были у

старых борзых на хорошем счету.

Но давить было нелегко -- разум продолжал двигаться. Была какая-то гибкость в

псионической структуре, что весьма тревожило. Он был текучим. Мелькал, как дикая

птица, от человека к человеку, хотя и делал это с большой аккуратностью и выгодой. Он не

просто рикошетил от одного сознания к другому.

Он был быстрым. Сильным и быстрым.

Я надавил еще раз. Он скользнул в

сторону, но я тут же выпустил его,
выхватив из

неуловимого подсознания нежного слова,
словно сорвав пучок травы.

Граэль Охр, Желтый Король.

- Граэль Охр. Это твое имя?

Тишина.

- Желтый Король... чего?

Тишина.

- Желтый значит трусливый? Почему ты
не отвечаешь?

Я снова нагавил.

- Что такое Орфей, Граэль Охр? Почему
это слово столь блестяще скрыто в твоём
разуме?

Разум нагавил в ответ. Огонь прошёл по
нервным окончаниям моей аугметики.

Дыхание

перехватило и я оперся на стену, чтобы не
упасть. Все мои старые раны -- все

синтетические нейроны, позволяющие мне
управлять своей экзо- и эндо- аугметикой --

завопили от возникшей боли, вернулась

клеточная память о всех ранах и хирургических разрезах.

Умно, повернуть старую боль против меня. Выкинуть меня из его головы.

Он вновь двигался. Дом был наполнен крикатами, команды охранников бежали вверх-вниз

по узким деревянным лестницам. Я прохромал в гальную комнату и закрыл за собой

дверь. Тут было холодно и неуютно - за весь день никто её так и не нагрел. Призрачный

серый свет пробивался сквозь высокие окна. Темные драпировки и gobелены висели словно саваны. Стояли книжные стеллажи и кое-какая мягкая мебель.

Мне надо было посидеть и избавиться от боли, которую он впустил в меня. Этот Граэль

Охр, кем бы он там ни был -- а я был уверен, что это имя лишь еще одно прикрытие,

псевдоним -- был жестким и
исключительно умелым. У меня было лишь
несколько нагло

украденных ключей и знание того, что он
не ожидал встретить другого псайкера на
симпозиуме.

Старая боль словно осветила меня
призраки всех ран и травм, какие только я
перенес, и

не только физических. Я был
практически подавлен ощущением потери,
нескольких

потерь. Горестными воспоминаниями.
Перед моим мысленным взором
проносились лица.

Лица, о которых я не вспоминал годами.
Убер Эмос, мой давно умерший ученый.

Неугомонный Мигас Бетанкор. Фишиг,
упрямый до невозможности. Тобиус
Максилла и

его блестящая притворная жизнь.
Елизавета Биквин.

Он пробудил их. Граэль Охр разбудил их
всех и послал мучить меня в течение тех

минут,

пока не отступит боль.

- Зачем ты здесь?

Я быстро огляделся. Он был прямо позади меня. Возможно, он также спасался здесь, а возможно, его привлекли вспышки моего сознания. Он был темной формой, тенью возле

открывающегося на море окна. Он не хотел, что бы я его увидел.

- Ты узнал меня? -- спросил я.

- Конечно. Даже с измененной внешностью, хотя я и сомневался. С тобой ничего не произошло? Сегодняшний небольшой ряд убийств и игр в куклы?

- Нет, - сказал я. -- Я думал, что кто-то хочет при всех меня раскрыть, но это было

слишком самонадеянно. Это было не ради меня. Уля Граэль Охр для тебя что-то значит?

- Нет.

- Желтый Король?

- Нет.

- Понятно, - сказал я. Он действительно не знал, или просто израл со мной? Видит Трон, у

него не было причин доверять мне. И не было уже много лет.

Я скинул поддельную внешность, что бы он смог увидеть мое лицо. Ничего не выражающее и покрытое шрамами лицо:

- Даг видит тебя.

Его вокс-динамики издали шум, чем-то напоминающий нагнетательное фырканье. Я не мог

видеть его, а он -- меня. На моем застывшем лице, лишенном выражения, невозможно

было прочесть, что я действительно даг его видеть.

А он был просто креслом: бронированным, механизированным, парящим над полом и содержащим в себе аппараты жизнеобеспечения беспомощных органических останков

человека. Он видел меня через свои

оптические приборы и разговаривал
посредством

вокс-трансляторов. Это бронированная
личина была удобочитаема в меньшей
степени,

чем моя собственная.

Да и выглядел он так, словно не
поддерживал состояние свое кресло в
нормальном

состоянии уже долгое время. Оно всё было
в порезах и царапинах, а краска

отслаивалась. Он не удостоживался
следить за этим во время полевой работы.

На бронированном боку блестело пятно
свежей крови.

- Зачем ты здесь? -- спросил он.

- Пришел, чтобы посмотреть на тебя.

- Мы не виделись друг с другом уже очень
долгое время, Грегор. Я уже не ожидал,
что ты

когда-то увидишься.

- Времена меняются, - ответил я.

- Так же как и люди. Мы оба уже не те,

кел обычно были. Мы с тобой --
отступники.

- Ты стал отступником в силу
обстоятельств.

- Но это стоило мне карьеры. И твои
слова означают, что ты сам не жертва
обстоятельств. Ты действительно
радикал, как и говорят о тебе? Угроза
Дьяболус ,

которую разыскивают в пяти секторах,
это ты?

- Совсем не важно, кем я являюсь...

- Это не так, - ответил он. - Даже если
ты невиновен, здесь не время и не место
доказывать это. Твоя репутация
проклята. Тебя не должно быть здесь.

- Я хожу там, где хочу.

- И постоянно по мрачным местам.

- Я не собирался доказывать свою
невинность. Лишь хотел встретиться с
тобой.

- Именно поэтому тебя не должно быть
здесь вообще, - сказал он.

Эхо выстрелов прокатилось по дому. Кто-то наверху пытался выкурить или убить убийцу-

псайкера.

- Ты можешь остановить его. Раздавить, - сказал я.

- Нет.

- У тебя сильнейший на этом острове разум.

- Когда-то так и было.

- Ты не будешь использовать свои психические способности для восстановления порядка?

- Это делают другие. Гугач и Корвелл прижимают убийцу. Осталось несколько минут.

- Они недостаточно сильны.

- Вместе они это сделают.

- Так что же, свой разум ты больше не используешь? - спросил я.

- Это было условием моего прощения. Расследование длилось пятнадцать лет, Грегор.

Молох создал ужасный беспорядок.

- Но не такой ужасный, как ему хотелось.

Ты его остановил.

- Я дал согласие уйти с оперативной работы. Я поклялся не использовать пси способности своего разума. Я просто использую небольшие пси импульсы для управления креслом и поддержания систем жизнеобеспечения. Ничего больше.

Даже

телепатии.

- Почему? Ты же самый могучий разум в своем поколении.

- В разрушенном теле и с разрушенной репутацией. Мой разум и твое тело -- это почти

единственное, что осталось в нас нетронутым. Почти.

Я отвел взгляд. Несмотря на то, что мое лицо не выразило даже микроэмоцию, он знал,

что задел меня.

- Ты сегодня тонкокожий, - сказал он. -- Это была всего лишь шутка, но она тебя задела.

Раньше тебя это не волновало. Тебе так стыдно за избранный тобой путь?

Я убрал оружие и поправил маскировку.

- Я пришел встретиться с тобой, произнес я. -- Я знаю, что это было очень давно, но

имело кое-какое значение. Как вижу, ты изменился. Нет никакого смысла убеждать тебя.

- Извини.

- Я стерплю это разочарование.

- Мы не сможем вместе работать, сказал он. -- Нас не должны видеть вместе, и ты не

должны поддерживать связь.

- Потому что я радикал? Дьяволус?

- Потому что мне дали выбор после Молоха, ответил он. -- Уйти с оперативной работы и

воздержаться от шпионки. Или, во имя Святого Оргоса, выследить своего старого наставника, еретика Грегора Эйзенхорна.

Я не знал, что сказать. Он выбрал

заклучение в своем кресле и отрицание
своих

экстраординарных способностей ради
меня.

- Это нечто, - продолжил он, - этот
псайкер, что пришел сегодня поохотиться
в доме

Векун. Я знаю, что он пришел за мной. Я
нажил себе врагов. Молох, Куллин, и
другие - у

них были союзники. Они принадлежат к
секретным орденам и тайным братствам.
Ух

семьи хотят видеть меня мертвым. Пока
я воздерживаюсь от психоники, они не
испытывают

удовольствие от моего убийства. Они
подталкивают меня на то, что бы я
использовал её.

Так было и раньше. Они заставляют меня
использовать пси способности. И когда я
это

сделаю, то снова превращусь в достойную
их цель. И они исполнят свою миссию и

убьют

меня. Узреть в их игры ниже моего достоинства. Тот, который здесь -- это Гираэль Охр... с

ним скоро будет покончено. А теперь уходи, Грегор. Уходи сейчас же, пока они не остотрели это место. Тебя не должны найти здесь, для твоего блага и моего тоже.

Я кивнул и повернулся к выходу.

- А для тебя слово «Орфей» что-то значит? -- спросил он внезапно.

- Нет.

Из динамиков кресла раздался звук, похожий на вздох.

- Тогда прощай, Грегор, -- произнес он.

- Я и вправду был рад тебя видеть, Гидеон,

- ответил я.

С тихим шепотом приводов подвески кресло развернулось к окну, выходящему на море.

Рейвенор на меня больше не смотрел.

- Надеюсь, ты больше никогда не увидишься,

- сказал он. Тональность его динамиков

ничего не выражала.

Накинув фальшивую личину и
отрегулировав её на максимальный
эффект, я покинул

дворец по служебной лестнице, выведшей
меня ниже крепостных стен. Еще час
ходьбы

по открытой всем ветрам черной
лестнице, вьющейся по утесу, и я вышел на
дорогу,

ведущую к гавани. Оттуда я попал на
причал возле университета Шурфан.
Незаметно

спустил на воду лодку и покинул
Малифэйс.

Позади воздух сотрясали редкие выстрелы,
и я все еще мог чувствовать грозный
разум.

Я ненавижу убегать из боя.

Но в данном случае он меня не касался.

...